

МАРСИАНИСКАЯ ОДИССЕЯ

Стенли ВЕЙНБАУМ

Жарвис устроился поудобнее, насколько позволяла теснота салона АРЕСа.

— Воздуха! — радостно сказал он. — После разреженного воздуха снаружи этот кажется наваристым бульоном.

Он наклонился к иллюминатору, за которым виднелся плоский и однообразный ландшафт Марса, освещенный низко нависшей «луной»¹.

Остальные трое смотрели на него с любопытством и участием: Патц — инженер, Леруа — биолог и Гаррисон — астроном и начальник экспедиции. Дик Жарвис был химиком в знаменитом экипаже экспедиции АРЕСа, члены которого первыми из людей вступили на почву таинственного соседа Земли — Марса. Это было почти двадцать лет назад, когда сумасшедший американец Догени ценой собственной жизни усовершенствовал атомную установку. Эти четверо с АРЕСа были первым экипажем, которому удалось выйти за пределы системы Земля — Луна. Они заслужили этот успех, если вспомнить о трудностях испытаний — месяцах в акклиматизационных камерах на Земле, где они привыкали дышать разреженным воздухом Марса, борьбу крохотной ракеты, ведомой капризными реактивными двигателями XXI столетия, с безвоздушным пространством и самое важное — встречу с абсолютно неведомым миром.

¹ Имеется в виду один из спутников Марса. (Прим. перев.).

Жарвис осторожно прикоснулся к своему красному обмороженному носу, на котором шелушилась кожа. Он радостно вздохнул.

— Так что же? — отрывисто спросил Гаррисон. — Услышим мы наконец, что с тобой произошло? Ты улетел в заданном направлении на бортовой машине, десять дней от тебя ни слуху ни духу, и в конце концов Патц спасает тебя из какого-то сумасшедшего сражения, где тебе помогает неизвестное нам чудовище. Рассказывай же поскорее!

— Как мне было приказано, — начал Жарвис, — я обождал, пока Карл полетел на север, затем залез в свой летающий гроб и полетел на юг. Ты приказал нам, капитан, не садиться, лишь обращать внимание на интересные местности или предметы. Я включил обе съемочные камеры и летел на высоте двух тысяч футов. Этой высоты я придерживался по многим соображениям. Во-первых, она дает лучшее поле видимости, во-вторых, выхлопные газы при низком полете в разреженной атмосфере доходят до поверхности и вздувают пыль.

— Все это мы уже знаем от Патца, — нетерпеливо сказал Гаррисон.

— В полутора ста милях к югу, — невозмутимо продолжал Жарвис, — поверхность стала похожей на плато — песчаную оранжевую пустыню. Я решил, что наше предположение было правильным и серая равнина, на которую мы опустились, в самом деле — Киммерийское море. Если так, то оранжевая пустыня — область, называемая Ксантом, и через каких-нибудь сто миль я долечу до следующей серой равнины — Кроциумско-

---

Стенли Вейнбаум (1902—1935) прожил короткую жизнь, оставив единственный сборник рассказов, принесших ему признание, как одному из родоначальников современной американской фантастики. Примерно до середины 30-х годов главенствовали в этом жанре Эдгар Райс Берроуз с бесконечной серией «марсианских» романов и его подражатели, переносившие на просторы космоса бесшабашные приключения в духе пресловутых «вестернов». Другое ответвление «сайенс факшн» разрабатывало преимущественно изобретательскую тему, где героям отводилась чисто служебная роль. На этом литературном фоне первый же рассказ Стенли Вейнбаума «Марсианская одиссея», опубликованный в 1934 году в журнале «Вондер сториз», был оценен как новаторский. Личность рассказчика, переживающего удивительные приключения на Марсе, настолько же полнокровна и психологически убедительна, как и образ марсианина Твила, который становится, по существу, главным героем. В пределах логически обоснованной гипотезы автор проявляет незаурядную выдумку. Несмотря на то, что традиционные для того времени представления о «каналах» и природе Марса не подтвердились новейшими исследованиями, рассказ «Марсианская одиссея» привлекает гуманной настроенностью, тонким психологизмом, непринужденным юмором.

Евг. БРАНДИС

го моря, за которым простирается еще одна оранжевая пустыня, Тиле I или Тиле II. Так в действительности и оказалось.

— Патц установил наше местоположение еще десять дней тому назад, — недовольно воскликнул начальник экспедиции. — Переходи же в конце концов к делу!

— Ну а теперь я расскажу о том, чего Патц не видел. — Жарвис притронулся к носу и продолжал: — Я знал, что в этот сезон можно рассчитывать на шестнадцать часов дневного света, поэтому надеялся вернуться после восьмичасового полета — почти за восемьсот миль отсюда. Но когда я пролетал над Тиле I или Тиле II, не знаю точно, это было почти в двадцати пяти милях от его границы, вышел из строя любимый мотор Патца!

— Почему? — озабоченно спросил Патц.

— Атомная воздуходувка отказала. Я потерял высоту и внезапно сел рывком на Тиле. Да еще стукнулся носом об иллюминатор.

— Я бы это исправил, — сказал инженер. — Держу пари, не было ничего серьезного.

— Может быть, — саркастически заметил Жарвис. — Однако машина забастовала. Ничего серьезного, но я должен был выбрать одно из двух: ожидать, пока меня здесь найдут, или возвращаться пешком — пройти восемьсот миль за двадцать дней, когда нам надо будет отправляться обратно. Сорок миль в день! — Он пожал плечами. — Я решился идти пешком, так как не мог надеяться, что вы найдете меня.

— Мы бы тебя нашли, — сказал Гаррисон.

— Возможно. Тем не менее я соорудил лямку из ремней, взвалил на плечи бидон с водой, опоясался патронташем и пистолетом, захватил с собой все, что мог унести из неприкосновенного запаса, и отправился в путь.

Начиная свое путешествие, я рассчитывал на ежедневный сорокамильный переход. Конечно, я не забыл захватить с собой и отапливаемый спальный мешок для холодных марсианских ночей. За восемь часов я прошел больше двадцати миль. Было утомительно брести по пустыне и ничего не видеть, даже ползающих биоподий Леруа. Но примерно через час я добрался до канала — это был высохший ров, шириной почти в четыреста футов и прямой как стрела. Мне показалось, что там есть вода. Дно канала было чем-то покрыто и напоминало прекрасный зеленый луг. Но когда я подошел поближе, этот луг расступился передо мной!

— Каким образом? — воскликнул биолог Леруа.

— Это были родственники твоих биоподий, травянистые маленькие существа, не больше пальца, с двумя тонкими травяными ножками. Я поймал одного.

— Он у тебя с собой? — живо спросил Леруа.

— Я его отпустил. Мне надо было двигаться дальше, и шевелящаяся трава расступалась передо мной, чтобы опять сомкнуться, когда я проходил. Затем я снова достиг оранжевой пустыни Тиле. Я начинал уже проклинать вас, ребята, что вы за мной не прилетели.

— Мы пытались это сделать, дуралей! — сказал Гаррисон.

— От этого мне было не легче. Я решил еще при дневном

свете спуститься с края плато, отделявшего Тиле от равнины. Это мне удалось. Крониумское море оказалось такой же равниной, с теми же странными, без листьев, растениями и ползающими биоподиями. До сих пор в этом полумертвом мире не чувствовалось никаких опасностей. Я собирался уже залезть в спальный мешок, как внезапно услышал дикий шум — свист, кудахтанье, щебет и черт знает что еще — словно стая ворон напала на канареек. Я дошел до кучи кустарника, а за ней был Твил!

— Твил? — переспросил Гаррисон, а за ним Леруа и Патц.

— Это странное существо, похожее на страуса, — объяснил рассказчик. — Я произношу «Твил» не плюясь. В его выговоре это звучало как «Тррвирл».

— Что же он делал?

— Его хотели сожрать. И он, естественно, визжал, как сделал бы каждый на его месте.

— Кто его хотел сожрать?

— Это я узнал позже. Сначала я увидел лишь клубок черных, похожих на канаты щупалец. Они опутывали нечто, как вам описал Патц, похожее на страуса. Я не хотел вмешиваться. Если оба эти существа представляли для меня опасность, то мне пришлось бы драться лишь с тем, кто останется в живых.

Это похожее на птицу создание мужественно сражалось, нанося мощные удары своим восемнадцатидюймовым клювом. Наконец-то я увидел, что было на кончиках этих черных рук.

Жарвис даже вздрогнул.

— Но окончательное решение я принял, когда увидел на шее похожего на птицу существа черную сумку. Значит, оно разумное или домашнее, подумал я, снял пистолет и выстрелил в его противника. Я увидел судорожные движения щупалец, черная тварь чем-то брызгала вокруг, а затем с отвратительным скрежетом убралась через отверстие к поверхности. Спасенное мною существо издало торжествующий крик, повертелось на своих похожих на палки ногах и внезапно повернулось ко мне. Я держал автомат наготове, и оба мы пялили глаза друг на друга.

Марсианин походил на птицу лишь с первого взгляда. Правда, у него было что-то вроде клюва и пара каких-то покрытых перьями отростков, но то, что казалось клювом, было чем-то средним между клювом и хоботом. Он был гибким, и я заметил, как его кончик медленно двигался из стороны в сторону. У марсианина были четырехпалые ноги и руки, если их можно так назвать, и маленькое круглое туловище. На длинной шее возвышалась маленькая голова. Голова, естественно, заканчивалась клювом. Он был выше меня на несколько дюймов. Ведь Патц его видел.

— Да, я его видел, — кивнул инженер.

— Итак, мы пялили глаза друг на друга, — продолжал Жарвис. — Наконец это существо защелкало, защебетало и протянуло мне руки. Я принял это за жест дружбы.

— Не потому ли, что это создание, — сказал Гаррисон, — обратило внимание на твой нос и заметило определенное сходство с собой.

— Хорошо тебе насмехаться! Я убрал автомат. Марсианин подошел ко мне, и мы стали товарищами.

Рис. В. ЛУКЪЯНЦА

Я отыскал место у подножия скал, где было чуть потеплее, и начал собирать высохшие марсианские растения. Мой спутник понял меня и притащил целую охапку. Я вынул из кармана спички, но он покопался в своей сумке и вытащил нечто похожее на тлеющий уголек. Не успел он им прикоснуться к хвосту, как огонь запылал — а вы-то знаете, каких усилий нам стоит зажечь огонь в этой разреженной атмосфере.

Его сумка, — продолжал рассказчик, — была явно фабричного изготовления, а не какой-нибудь там ручной работы. Притронешься к одному концу — она тотчас откроется, притронешься к середине — она замкнется и так плотно, что не заметишь никакого замка. Куда лучше нашей застежки-«молнии».

Греясь у костра, я решил поближе познакомиться с марсианским жителем. Показал ему на себя и сказал: «Дик». Он сразу понял, протянул свою костлявую лапу и повторил: «Дик». Затем я показал на него, и он произнес звуки, которые я обозначил как Твил, но его произношение воспроизвести невозможно. Мы поняли друг друга; я еще раз повторил «Дик», затем показал на него и сказал: «Твил».

В ответ он что-то прошептал — какое-то подобие отрицания, и произнес нечто похожее на «Прут» и затем еще множество разных звуков!

Но я называл его Твилом, и, казалось, ему это нравилось.

Твил наконец запомнил несколько слов, и это было большим достижением. А его речь я вовсе не мог понять, то ли потому, что не улавливал связи слов, то ли мыслили мы по-разному — вернее, я думаю, второе. Наконец я отказался от языковедческих попыток и решил заняться счетом. Я показал ему на камушках, что дважды два — четыре. Твил сразу понял и показал мне, что три и три будет шесть. Мы сделали еще шаг вперед.

Поскольку я теперь установил, что Твил прошел по меньшей мере начальную школу, я нарисовал на песке кружок, обозначающий Солнце, показал на него и в сторону запада. Затем нарисовал Меркурий, Венеру, нашу праматерь Землю и Марс, обвел широким жестом, вокруг, показывая, что мы на Марсе. Таким способом я хотел навести его на мысль, что моя родина — Земля.

Твил тотчас же понял чертеж. Он наклонил над ним свой клюв, с щебетанием добавил к Марсу Фобоса и Деймоса, а к Земле — Луну!

Представляете? Это означало, что соплеменники Твила употребляют телескопы, что они цивилизованные!

— Ничуть не бывало! — возразил Гаррисон. — Луна отсюда видна как звезда пятой величины. Они могут наблюдать за ее движением и невооруженным глазом.

— Это относится только к Луне! — проговорил Жарвис. — Ты не понял моего доказательства: Меркурий-то ведь невидим! А Твил знал о Меркурии, ведь он показал Луну не со второй, а с третьей планетой! Если бы он не знал о Меркурии, то считал бы Землю второй, а Марс — третьей планетой, а не четвертой. Не так ли? Все шло гладко, мои объяснения продолжались, и, надеясь, что он поймет мою мысль, я указал на чертеже Землю, затем показал опять на себя и на Землю, которая ярко синела на западной стороне небосклона.

Твил начал возбужденно гоготать и щебетать, подпрыгивать и садиться, и я решил, что он понял меня. Но внезапно он стал показывать то на себя, то на небо. Он показал на свое тело, а затем — на Арктур, на свою голову, на звезду Спикку, на свои ноги и затем на полудюжину звезд, а я только и делал, что пялил на него глаза. Вдруг он высоко подпрыгнул. Что за прыжок, черт побери! Чуть не к самым звездам, наверняка футов на семьдесят пять! Я видел его силуэт на фоне неба, видел, как он возвращался, держа голову вперед, и остановился с помощью своего клюва — прямо в центре солнечного круга, который я нарисовал на песке.

— Чушь! — заметил начальник экспедиции. — Несусветная чушь!

— Поначалу так показалось и мне. Я смотрел с удивлением, как он вытаскивал из песка голову и вставал. Я подумал, что он не понял моих объяснений, и начал все сначала. И опять все повторилось: клюв Твила таким же образом очутился в центре моего чертежа.

— Может быть, это какой-то религиозный обряд? — заметил Гаррисон.

— Вряд ли, — сказал с сомнением Жарвис. — Мы могли обмениваться мыслями до какого-то определенного предела, а дальше ничего не получалось. В чем-то мы абсолютно различались. Мне кажется, Твил считал меня таким же сумасшедшим, как я его. Мы смотрели на мир с разных точек зрения, и вполне возможно, что его точка зрения не менее правильна, чем наша. Во всяком случае, мы не могли понять друг друга, и это главное. Но, несмотря на все трудности, парень мне нравился, и мне кажется, как это ни комично, и я понравился ему.

— Чушь! — повторил Гаррисон. — Сплошное идиотство!

— Ты думаешь? Не спеши с выводами... В конце концов я махнул рукой, залез в спальный мешок и наладил отопление. От огня было мало тепла, но проклятый спальный мешок давал его с избытком. Через пять минут стало так жарко, что я немного высунулся, чтобы глотнуть свежего воздуха. Термометр показывал 40° холода. Вот где я так приятно обморозился.

Не знаю, что думал Твил о моем сне. Когда я просыпался, он сидел рядом, но утром его около меня не было. Только я вылез из мешка и стал его складывать, как внезапно услышал щебетание. Твил слетел со скалы и очутился прямо передо мной на своем клюве. Я показал ему на себя; потом на север, а он показал на себя и на юг, но, когда я сложил свои вещи и отправился в путь, он пошел со мной.

Друзья мои, как он шел! Каждый его шаг был не менее ста пятидесяти футов! Он парил в воздухе, вытянувшись как стрела, и садился на свой клюв. Мои медленные шаги, казалось, удивляли его, но через некоторое время он приспособился к моему темпу. Только через каждые несколько минут он отпрыгивал в сторону, вонзался клювом в песок и опять возвращался. Сначала меня нервировал вид этого похожего на копые клюва, но он всегда оказывался точно со мной рядом.

Так мы оба продвигались по Крониумскому морю: кругом те же самые ненормальные растения и маленькие зеленые биофидии, растущие в песке и расступающиеся под ногами. Мы раз-

говаривали, мало понимая друг друга, но пытались все же вести дружеский разговор. Я пел, и было похоже, что и Твил тоже пел — иногда его щебетание казалось ритмичным.

— Вы оба спятили, вот в чем дело, — заметил Гаррисон. — Потому вы и прониклись взаимной симпатией.

— Но ведь и ты мне тоже нравишься! — раздраженно ответил Жарвис. — Как бы там ни было, — резюмировал он, — не думайте, что в Твиле что-то было ненормальное. Я вовсе не уверен, что он не смог бы кое-что добавить к нашему прославленному человеческому интеллекту. Конечно, он вовсе не титан мысли, но не забудьте, что Твил смог кое-что понять из моих объяснений, в то время как я так ничего и не уразумел.

— Стало быть, он неразумное существо! — сказал начальник экспедиции, а Патц и Леруа подмигнули Жарвису.

— Об этом вы сможете судить, когда я закончу рассказ, — возразил Жарвис. — Итак, мы шли целых два дня по Крониумскому морю. Крониумское море — море времени! В конце этого путешествия я готов был поздравить Скиапарелли за столь удачно выбранное название! Вокруг лишь серо-зеленая, бесконечная равнина со странными и зловещими растениями, нигде ни намёка на что-либо живое. Местность такая однообразная, что наутро второго дня было радостью увидеть даже кромку пустыни Ксант. Я начал выбиваться из сил, но Твил казался таким же неутомимым, как раньше, хотя я ни разу не видел, чтобы он ел или пил. Своими длинными шагами он мог бы пересечь за несколько часов все Крониумское море, но оставался со мной. Несколько раз я предлагал ему воды, он брал жестяную чашку из моих рук, высасывал жидкость своим клювом, затем осторожно выливал ее обратно в чашку и торжественно передавал мне.

В то время, когда мы уже увидели Ксант, или, вернее, скалы, возвышавшиеся на границе, ветер обрушил нам навстречу отвратительное песчаное облако. Я натянул прозрачный клапан спального мешка на лицо, и это мне помогло. К моему удивлению, я увидел, как Твил прикрыл ноздри поросшими перьями привесками, которые вместо усов росли на его клюве. Такими же перьями он прикрыл и глаза.

— Он приспособлен к жизни в пустыне, — сказал Леруа, биолог.

— Почему?

— Он не пьет воды, может защищаться от песчаных бурь...

— Это еще ничего не доказывает! Ведь где-то на этом пересохшем Марсе должна быть вода. Все, что нас здесь окружает, мы назвали бы на Земле пустыней. — Он немного помолчал и продолжал: — Песчаная буря кончилась, но встречный ветер не утихал, хотя он не был таким сильным, чтобы привести в движение песок. Этим ветром со скал Ксанта к нам занесло нечто странное — маленькие прозрачные шарики, похожие на теннисные мячи. Они были такими легкими, что парили даже в этом разреженном воздухе. Я поймал и раздавил несколько штук, в них ничего не было, кроме дурного запаха. Я спросил Твила об этих шариках, но он сказал только: «Нет, нет», из чего я заключил, что он про них ничего не знает. Так эти шарики и летали вокруг нас, как мыльные пузыри или перекаати-поле, пока мы дви-

гались по пустыне Ксант. Один раз Твил указал на шарик и сказал: «Камень», но я слишком устал, чтобы поддерживать разговор. Лишь позднее я понял, что он имел в виду.

День уже подходил к концу, когда мы дошли до подножия довольно высокого утеса. Я намеревался переночевать наверху, на плато, где, как я думал, будет ползать меньше опасных существ, чем в растительности Крониумского моря. Правда, я не видел до сих пор ничего угрожающего, кроме той черной твари с похожими на канаты щупальцами, которая напала на Твила; она заманивала свои жертвы, пока они не попадали в пределы досягаемости. Она не могла заманить меня во время сна, тем более что Твил, казалось, никогда не спал и терпеливо сидел целую ночь. Мне оставалось непонятным, как эта тварь могла заманить Твила, но я не мог его об этом спросить. Лишь позже я узнал об этом дьявольском наваждении.

Мы бродили у подножия скалы в поисках удобного для подъема места. По крайней мере, это было нужно для меня, а Твилу ничего не стоило в два прыжка очутиться на самой вершине — скала была высотой около шестидесяти футов. Но он из солидарности оставался со мной. Наконец я нашел проход и начал подниматься, как внезапно услышал шум, показавшийся мне знакомым!

Вы ведь знаете, какими обманчивыми кажутся звуки в этом разреженном воздухе. Выстрел звучит как звук открываемой бутылки. Но я различил шум мотора и, оглянувшись, увидел нашу вторую бортовую машину примерно в десяти километрах к западу от меня.

— Это был я! — сказал Патц. — Я искал тебя.

— Конечно, я сразу об этом догадался, но что я мог поделать. Я кричал и махал обеими руками. Твил, увидев это, начал щебетать и пускать трели, затем он вскочил на скалу и прыгнул еще выше. Тем временем машина двинулась в южном направлении и исчезла в серой пыли.

Я был глубоко разочарован этой неудачной попыткой привлечь внимание. Ночной холод становился все чувствительнее. Я вытащил спальный мешок и залез в него. Твил погрузил клюв в песок, сложил руки и ноги и стал похож на росшие кругом безлистные кусты. Так он и провел целую ночь.

— Защитная мимикрия! — воскликнул Леруа. — Вот видишь? Он — житель пустыни.

— Утром, — продолжал Жарвис, — мы снова отправились в путь. Не успели мы пройти по пустыне Ксант и ста ярдов, как я увидел нечто необычайно интересное. Нечто такое, что Патц не фотографировал, могу биться об заклад.

Мы очутились перед рядом пирамид. Они были совсем маленькие, не выше пятнадцати сантиметров, и тянулись по пустыне, насколько можно было охватить глазом. Маленькие пирамиды из крошечных кирпичей, полые внутри и усеченные, так что в них можно было заглянуть сверху. Я указал на них и спросил: «Что это?» Твил начал щебетать, давая понять, что не знает. Так мы шли несколько часов вдоль ряда этих пирамид на север, то есть в нужном нам направлении.

Вскоре я заметил, что пирамиды становились выше. В каждой

из них было одинаковое количество кирпичей, но кирпичи были крупнее.

К полудню мы дошли до пирамид, которые были мне по плечо. В некоторые из них я заглядывал; все они были одинаковыми, с усеченной верхушкой и пустые, сделаны они были из силиката. Твердые как камень и старые как мир.

— Какого они возраста, как ты думаешь?

— Пятьдесят, сто тысяч лет. Откуда мне знать? Маленькие, которые мы видели утром, были более старыми, возможно, раз в десять старше. Они почти рассыпались. Сколько им было лет? Полмиллиона? Может быть, больше? Кто мог сказать?

Жарвис на мгновение замолчал, затем продолжал:

— Итак, мы шли вдоль бесконечного ряда пирамид. Твил несколько раз показывал на них и говорил: «Камень».

Я указал на ближнюю пирамиду и спросил: «Люди?», а затем — на него и на меня. Он ответил, потирая живот: «Нет, нет. Не один, один, два. Не два, два, четыре». Я удивленно смотрел на него, не понимая, но он повторил то же самое.

— Вот доказательство! — объяснил Гаррисон. — Он недоумок.

— Ты думаешь? — спросил Жарвис, саркастически улыбаясь. — Ну а я это понял иначе. «Не один, один два». Как ты это понимаешь?

— Ничего не понимаю, так же как и ты.

— А я понял. Твил использовал немногие воспринятые от меня слова, чтобы объяснить мне сложную мысль. «Не один, один два» — Твил давал мне понять, что эти пирамиды — не живые существа, у них нет разума, и поэтому они не могут сложить две единицы. Дошло?

— Ах! Черт побери!

— Но почему он при этих словах тер себе живот? — спросил Леруа.

— Почему? А потому, милый мой биолог, в животе находится его мозг. Не в его маленькой головке, а в чреве!

— Невероятно!

— Не так, как у нас. И флора и фауна не похожи на земную, вспомни о твоих биоподиях! — Жарвис улыбнулся и продолжал: — Так мы шли по пустыне Ксант. После обеда ряд пирамид кончился.

— Кончился!

— Ну да, и самое интересное во всем этом было то, что последняя пирамида — а теперь они были высотой в десять футов — была с верхушкой! Понятно? Значит, тот, кто ее строил, был еще в ней. Мы осмотрели весь длинный ряд пирамид — от тех, что были построены миллионы лет назад, до самых недавних.

Мы с Твилом заметили это одновременно. Я поспешно вынул свой автомат (у меня в заряднике были взрывные пули Боланда), а Твил мгновенно вытащил из сумки свой игрушечно маленький стеклянный револьвер. По крайней мере, он был похож на револьвер, но рукоятка была побольше, так что Твил мог обхватить ее своими четырьмя пальцами. Проходя вдоль ряда пирамид, мы держали оружие наготове.

Твил первый заметил движение пирамиды. Верхний ряд кирпичей приподнялся и с легким шумом опрокинулся. Затем мы увидели нечто удивительное.

Вначале появилась длинная, серебристо-серого цвета рука, за ней — покрытое панцирем туловище. Мне показалось, что панцирь состоял из свесившейся чешуи такого же серебристо-серого цвета. Чудовище с шумом упало на песок.

Трудно дать представление об этом животном. Его туловище было похоже на большую бочку, с одной стороны была рука и отверстие вроде рта, с другой — упругий, остроконечный хвост. Ничего больше! Ни глаз, ни ушей, ни носа — ничего! Это существо проползло несколько метров, воткнуло свой остроконечный хвост в песок, выпрямилось и село.

Мы с Твиллом наблюдали его целых десять минут, пока оно не пошевелилось. Оно протянуло руку к ротовому отверстию и с шумом, напоминающим шуршание разрываемой бумаги, вытащило кирпич! Рука осторожно положила его на землю; существо опять сидело неподвижно. Через некоторое время появился еще один кирпич. Это животное было как бы прирожденным каменщиком.

Я стал уже укладывать вещи, чтобы снова двинуться в путь, когда Твил показал на кирпич, сказал: «Камень» — и несколько раз со свистом вдохнул и выдохнул.

Тогда я понял, что он имел в виду. Я спросил: «Не дышит?» — и показал это движениями. Твил ответил: «Не дышит», затем подпрыгнул, чтобы коснуться поверхности своим клювом совсем близко от чудовища.

Можете себе представить, как я испугался! Я ожидал, что рука схватит Твила и раздавит его, но ничего не произошло! Твил подошел к этому существу, сказал: «Камень». Я набрался мужества и тоже подошел поближе, чтобы убедиться самому.

Твил опять был прав. Это существо на самом деле было из камня, и оно не дышало.

— Кремниевая жизнь! — воскликнул Леруа. — У меня было подозрение, а теперь это доказано. Я должен поехать туда. Я должен это видеть!

— Хорошо, хорошо, — примирительно сказал Жарвис, — если хочешь, можешь туда съездить. Но возвращаюсь к моему рассказу: это существо было живым и вместе с тем неживым. Каждые десять минут оно двигалось, чтобы положить новый кирпич! Кирпичи — вероятно, его выделения, продукт обмена веществ. Оно откладывает свои выделения вокруг себя и, когда чувствует себя замурованным, выходит наружу и начинает все сначала. Понятно, почему оно так шуршало и хрустело. Живое существо, которому полмиллиона лет.

— Откуда тебе известен его возраст?

— Мы ведь все время шли мимо пирамид, не так ли? Если бы пирамиды строило не одно это существо, то их ряд должен был бы где-то прерваться, чтобы опять начаться с маленьких пирамид. Нетрудно понять, не так ли?

Но это существо также размножается. Между вторым и третьим кирпичами я услышал шуршание и увидел поток маленьких прозрачных шариков, похожих на мыльные пузыри. Это споры, яйца или семя, называйте их как угодно. Ветер носит

их по пустыне, и мы их встретили в Крониумском море — это для тебя, Леруа. Прозрачная оболочка, вероятно, лишь защитная, подобно яичной скорлупе. Главное — запах внутри оболочки — газ, вступающий в реакцию с кремниевой кислотой. Когда оболочка лопается вблизи скопления кислоты, возникает реакция, ведущая к образованию нового существа.

— Мы это проверим! — восторженно воскликнул маленький француз. — Нам во что бы то ни стало надо добыть эти шарики, чтобы исследовать реакцию!

— Несколько шариков я раздавил в песке. Если бы у нас была возможность перенестись на какие-нибудь десять тысяч лет и посмотреть, не посеял ли я парочку этих пирамидных чудовищ? Но до этого нам удастся еще кое-что увидеть. — Жарвис глубоко вздохнул. — Боже мой, эти странные существа! Только представьте себе! Слепые, глухие, без нервов, без мозга — один лишь механизм — и тем не менее — бессмертные! Вечно производить кирпичи и строить пирамиды, до тех пор, пока имеется кремниевая кислота и кислород, и даже если они исчезнут, процесс не сразу прекратится. Если счастливый случай через миллион лет создаст комбинацию тех же веществ, «строительство» начнется сначала. А за это время многие мыслящие существа и цивилизации давно уже перестанут существовать. Однако я встретил еще более странное животное.

— Уж не видел ли ты все это во сне? — проворчал Гаррисон.

— Ты прав, — сухо ответил Жарвис. — В известной мере. Такая химера может только привидеться во сне. Это самое дьявольское, самое ужасное существо, какое только можно вообразить. Более опасное, чем лев, и коварнее змеи!

— Как интересно! — сказал Леруа. — Обязательно надо посмотреть.

— Нет, лучше не видеть его! Итак, Твил и я покинули строителя пирамид и опять пошли по Ксанту. Я устал, был раздосадован неудачей попытки Патца, щебетание Твила действовало мне на нервы, поэтому я молча шагал час за часом по однообразной пустыне.

Около полуночи на горизонте показалась темная линия — канал, я раньше летал над ним. Это означало, что мы прошли треть пути по Ксанту. Не слишком вдохновляющий факт, но все же я пока еще выдерживал свой план перехода. Наконец мы подошли к каналу; его окаймляла широкая полоса растительности, на берегу находились постройки из глины.

Я устал и думал лишь о хорошем горячем обеде. Каким уютным и родным после этих сумасшедших планет мне показалось бы даже экзотическое Борнео. Затем я стал думать о нашем старом Нью-Йорке и о знакомой девушке — Фенси Лонг. Вы ее не знаете?

— Откуда нам ее знать? — спросил Гаррисон. — Не та ли это блондинка, которая провожала тебя при отлете?

— Та самая, — сказал Жарвис. — Она моя приятельница, и так как я чувствовал себя одиноко и мыслями был в Нью-Йорке, то думал о ней.

Вдруг я в изумлении остановился. Что за чертовщина? Я увидел Фенси Лонг, она стояла под одним из этих сумасшедших

деревьев и кивала, точно так, как это запомнилось мне перед самым отъездом.

— Теперь безумие и тебя не миновало, — проворчал Гаррисон.

— Поверь, и я так подумал. Я пялил глаза, жмурился, щипал себя и каждый раз опять видел Фенси, она улыбалась и кивала мне. Твил также что-то видел, он щебетал, кудахтал и охал одновременно, но я не обращал на него внимания. Я побежал к ней по песку, слишком озадаченный, чтобы задавать себе какие-нибудь вопросы.

Я был от нее не более, чем в семи метрах, когда Твил настиг меня своими летающими прыжками. Он схватил меня за руку и заверещал писклявым голосом: «Нет, нет!» Я попытался отбросить его от себя — он был совсем легким, словно из бамбука, но он крепко держал меня и кричал. Наконец ко мне вернулся рассудок, и я остановился в трех метрах от девушки. Она стояла передо мной, и казалось, я мог дотронуться до нее, вот как до головы Патца сейчас.

— И что же дальше? — воскликнул инженер.

— А она все кивала и улыбалась, я же стоял перед ней, не произнося ни слова, в то время как Твил верещал и пищал. Я не сомневался, что это фантом, — и тем не менее она стояла передо мной!

Наконец я проговорил: «Фенси, Фенси Лонг!» Она ничего не ответила, продолжала кивать и улыбаться. Она выглядела совсем живой и осязаемой, как будто находилась рядом, а не на расстоянии тридцати семи миллионов миль.

Твил вытащил свой стеклянный револьвер и прицелился. Я схватил его за руку, но он попытался меня оттолкнуть. Он целился в нее и говорил: «Не дышит, не дышит!» Он хотел сказать, что эта Фенси Лонг — неживое существо. В голове у меня все смешалось.

Мне было неприятно смотреть, как он целится в девушку. Не знаю, как я это допустил, но он выстрелил. Раздалось шипение, появилось маленькое облако дыма, и Фенси Лонг исчезла! Вместо нее мы увидели одно из тех подергивающихся, извивающихся, черных, похожих на канаты чудовищ — точно такое, от которого я спас Твила.

Животное-химера! Я смотрел, ошеломленный, как оно подыhalo, в то время как Твил щебетал и свистал. Наконец он тронул меня за руку, указал на извивающееся чудовище и сказал: «Ты — один-один-два, оно — один-один-два». Повторив это несколько раз, я понял смысл его слов. А вы?

— Ну да, мой друг, — сказал Леруа, взвешивая слова. — Я понимаю. Он хотел сказать, это существо знает, о чем ты думаешь, и ты видишь то, о чем думаешь. Голодная собака увидит кусок мяса или почувствует его запах, не так ли?

— Да, именно так, — сказал Жарвис. — Чудовище-химера воплощает мечты и стремления своих жертв, чтобы завлечь их в западню. Птица-самец во время тока увидит партнершу, лисица — беспомощного кролика.

— Каким образом такое получается? — размышлял Леруа. Жарвис пожал плечами.

— Не знаю. Для меня это загадка. А как у нас на Земле

змея делает то же самое — птицы сидят как парализованные и дожидаются, чтобы их проглотили. Вспомните глубоководных морских рыб, которые заманивают свои жертвы световыми сигналами! — Жарвис содрогнулся. — Какое коварное чудовище! Но теперь мы предупреждены. В будущем мы не должны доверять собственным глазам. Вы можете увидеть меня, я — одного из вас, и за всеми этими видениями может крыться это черное чудовище.

— А как его разгадал твой друг? — спросил Гаррисон.

— Твил? Задаю себе тот же вопрос. Может быть, он думал о чем-то, что меня не интересовало, и, когда я побежал, он понял, что я видел нечто иное, и предупредил меня. Или чудовище-химера может вызывать лишь одно видение, и Твил видел то же самое или не видел ничего. Я не мог у него об этом спросить. Но это доказывает, что его разум не уступает нашему или даже превосходит его.

— Он наивен и глуп, — сказал Гаррисон. — Как тебе только приходит в голову сравнивать его разум с нашим?

— По многим причинам. Во-первых — случай со строителем пирамид. Твил такого раньше не видел и дал мне это понять. Во-вторых, он разгадал, что это существо живое и мертвое одновременно, то есть автомат из силиция.

— Он мог об этом и слышать, — возразил Гаррисон. — Ведь он живет в этой местности, не так ли?

— Ну а язык? Я до сих пор не имею понятия о его языке, а он понял значение шести или семи слов моего языка. И сумел объяснить этими словами такие сложные понятия, как работа пирамид, животное-химера. Одной фразой он мне объяснил, что одно из них — безобидный механизм, а другое — гипнотизер-убийца. Что ты скажешь об этом?

— Да... — произнес начальник экспедиции.

— Вот видишь? Разве ты смог бы это объяснить, используя только шесть слов? Твил же сумел объяснить мне, что есть еще одно животное, разум которого настолько отличается от нашего, что всякое взаимопонимание исключается еще более, чем между Твилом и мной.

— А это еще что такое?

— Об этом позже. Твил и его соплеменники заслуживают нашей дружбы. Где-то на Марсе имеется цивилизация и культура, и ты убедишься в моей правоте, которая выдерживает сравнение с нашей и, может быть, даже превосходит ее. Взаимопонимание между ее носителями и нами возможно, и Твил — доказательство этому. Общение потребует многолетних терпеливых усилий, ибо их разум чужд нашему, но не настолько, как разум других существ, которых мы встретили позже.

— Каких еще других ты имеешь в виду?

— Жителей городов из ила вдоль берегов каналов. После двух последних приключений я считал, что уже познакомился с самыми странными существами, которых только можно себе представить, но я ошибался. Я встретил еще более странных и непонятных. Их труднее понять, чем, например, Твила, с которым возможна дружба и даже обмен мыслями и идеями, если иметь терпение.

Мы покинули животное-химеру издыхающим у его логова и

отправились дальше по каналу. Перед нами расстилался ковер движущейся травы, которая торопливо расступалась перед нами, и, когда мы достигли, наконец, берега канала, я увидел внизу течение желтой реки. Город из холмообразных глиняных построек находился в двух милях к востоку, и я был достаточно любопытен, чтобы отправиться туда.

Сверху город казался покинутым, а если это даже было не так, то мы с Твиллом были вооружены. Стекланный револьвер Твила был необычайно интересен, после приключения с химерой я рассмотрел его внимательно. Он стрелял стекланными отравленными осколками. В магазинной коробке их было не менее сотни, а реактивным зарядом был обычный пар.

— Пар! — воскликнул Патц. — Откуда он брался?

— Сквозь прозрачную рукоятку можно было видеть воду, а также еще какую-то жидкость, тяжелую и желтоватую. Когда Твилл нажимал на рукоятку — спускового крючка не было, то в камеру попадала капелька воды и капелька желтого вещества, и вода мгновенно превращалась в пар. Это легко понять, и я думаю, мы также сможем использовать этот принцип. Концентрат серной кислоты доводит воду до кипения. Точно так же можно сделать с негашеной известью, или натрием, или калием.

Конечно, его оружие уступало моему в дальности, но в этом разреженном воздухе оно совершенно достаточно. И действительно. Я испытал его, выстрелив в одно из этих проклятых растений, и в несколько секунд оно завяло и рассыпалось! Поэтому и предположил, что стекланные осколки отравлены.

Мы подходили к глиняному городу, и я решил узнать, не одни ли и те же строители строили города и каналы. Я показал на город, затем на канал, но Твилл сказал: «Нет, нет» — и показал на юг. Я понял, что канал строила другая раса, может быть, соплеменники Твила. Может быть, на планете имеется еще одна разумная раса или даже многие. Марс — странный маленький мир.

Через сотню шагов около первого холмика глины мы увидели нечто вроде улицы. Собственно, это была глиняная тропинка, но гладкая и твердая, как бетон. А затем появился и один из обитателей.

Фантастическое существо! Похожее на бочку на четырех ногах, с двумя парами рук или щупалец. Головы у него не было, лишь туловище и конечности и ряд глаз. Наверху этого бочкообразного тела была мембрана, натянутая, как шкура барабана. Это существо быстро приближалось, толкая перед собой маленькую медную тачку. Нас оно, казалось, не замечало, хотя мне почудилось, что его глаза на мгновение задержались на мне. Вскоре подошел и другой обитатель города, толкая пустую медную тачку. Он также пронесся мимо нас. Я захотел привлечь внимание этих бочек, игравших в железную дорогу, и, когда подкатил третий, встал посреди дороги, но так, чтобы успеть отскочить.

Существо остановилось, и из мембраны послышался угрожающий шум. Я поднял руки вверх и сказал: «Мы друзья!» Как вы думаете, что же ответило существо?

— Держу пари, оно сказала: «Рад с вами познакомиться», — сказал Гаррисон.

— Я бы меньше удивился, если бы оно сказала именно так. Что-то зашумело в его мембране, и внезапно оно прорычало: «Мы ддррузья!» — и сильным ударом толкнуло свою тачку прямо на меня. Я отскочил, существо покатило дальше, так что мне только оставалось смотреть ему вслед.

Спустя полминуты приблизилась еще одна «бочка». Не сбавляя хода, она пригрозила: «Мы ддррузья!» — и поехала дальше. Как они могли узнать эту фразу? Общались ли они все друг с другом? Были ли они частицами одного организма? Я ничего не хочу утверждать, но предполагаю, что Твил это знал.

Как бы там ни было, все эти существа проезжали мимо нас и приветствовали нас одинаковыми словами. Это было комично, никогда не думал, что на этой забытой богом планете у меня так много друзей. Наконец я обратился к Твилу с жестом удивления; казалось, он понял меня и сказал: «Один-один-два, да! Два-два-четыре — нет!» Вам понятно?

— Ясно, — сказал Гаррисон, — это старые марсианские детские стишки.

— Ну, вот еще! Я постепенно привык к символической речи Твила и так истолковал его «считалку»: «Один-один-два, да» — эти существа разумные. «Два-два-четыре — нет» — их разум так отличен от нашего. что находится как бы по ту сторону логики, когда два плюс два равно четырем. Возможно, он имел в виду, что их разум примитивен, в состоянии постигнуть лишь такие простейшие вещи, как единица плюс единица, но не более трудные. Но по тому, что мы увидели позже, мне кажется, что он имел в виду нечто иное.

Через несколько минут все эти существа появились снова — одно за другим. Их тачки были наполнены камнями, глиной, песком, перегнившими растениями. Они с угрозой произносили свое дружеское приветствие и проезжали мимо.

Третий из них, показалось мне, был тот самый, с которым я познакомился, и я решил возобновить разговор. Я встал поперек дороги и стал ждать.

«Бочка» подкатила, пригрозив своим: «Мы ддррузья», и остановилась. Четыре или пять ее глаз смотрели на меня в упор. Она повторила свои слова и погнала свою тачку, но я не отходил в сторону. Тогда проклятое существо быстро протянуло одну из своих рук, и два его пинцетообразных пальца ущипнули меня за нос!

— Вот как! — проворчал Гаррисон. — Вероятно, у этих существ есть понятие о красоте.

— Вам хорошо смеяться, — возразил Жарвис. — Мой нос уже был ушиблен и пострадал от мороза. Я закричал «Ай!» и отскочил в сторону, а «бочка» промчалась мимо со своей тачкой. С той минуты их приветствие стало: «Мы ддррузья! Ай!» Странные существа!

Мы с Твилом дошли до следующего холма. Обитатели города сновали взад и вперед, не обращая на нас ни малейшего внимания и возя свои тачки с мусором. Дорога вела к проему и шла затем по пологому склону вниз, как в старой штольне;

люди-«бочки» проезжали туда и обратно и приветствовали нас все теми же словами.

Я заглянул в этот проем: где-то внизу был свет, и это возбуждало мое любопытство. Свет не был похож на факел или на пламя, скорее — на искусственное освещение. Я подумал, что по источнику света можно будет решить об умственном развитии этих существ. Я вошел, и Твил следовал за мной с гоготанием и щебетом.

Свет на самом деле был странным, колеблющимся, ярко-белым, как в старой угольной лампе, он исходил от какого-то черного стержня в стене штольни. Без сомнения, это был электрический свет. Как видно, люди-«бочки» были достаточно цивилизованными.

Затем я увидел другой свет, уже отраженный; он сверкал в отражателях; я подошел поближе рассмотреть их, но это оказалось горстью сверкающего песка. Когда я обернулся и хотел выйти, то, черт меня побери, выход исчез!

Я решил, что штольня делала изгиб, и мы незаметно свернули. Тогда мы двинулись в том направлении, откуда, как мне казалось, пришли, но я видел только шахтные ходы, на определенном расстоянии освещенные этими сияющими лампами. Мы попали в лабиринт! Кругом — пересечения штолен расходящихся и сходящихся. Время от времени пробежал мимо нас кто-либо из местных жителей, иногда — с тачкой.

Сначала я не очень волновался. Мы с Твилом удалились от входа не больше чем на несколько шагов, но с каждой минутой мы заходили все глубже. Я попытался идти следом за одним из аборигенов, везших пустую тачку, решив, что из этой ямы нечистот он направляется к выходу, но «бочка» бесцельно бегала туда и сюда, из одной штольни в другую, и, когда она закружилась вокруг колонны, я остановился, снял со спины бидон с водой и уселся на него.

Твил был так же беспомощен, как и я. Я показал наверх, но он сказал: «Нет, нет!» — и остался рядом со мной. На помощь местных жителей мы перестали надеяться. Правда, каждый раз, пробегая, аборигены уверяли, что они друзья, но этим их забота о нас и ограничивалась.

Не знаю, сколько часов или даже дней мы там бродили! Дважды я засыпал от усталости; Твил, казалось, не нуждался в отдыхе. Мы попробовали пойти по штольне, ведущей кверху, но после небольшого подъема она опять отлого повела вниз. Температура в этой проклятой шахте была постоянной, нельзя было отличить день от ночи, и я не знал, спал ли я час или тринадцать часов, так как по моим часам нельзя было понять, полдень ли был или полночь.

Повидали мы немало странного. В некоторых штольнях работали какие-то машины, но, казалось, они ничего не делали — колеса вертелись вхолостую. Несколько раз мне попадались на глаза два человека-«бочки», тесно связанные с маленьким «бочонком». Они не обращали на нас никакого внимания, произнося все то же приветствие: «Мы друзья! Ай!» Никакой их домашней жизни мне подметить не удалось. «Бочки» все время сновали со своими тачками или просто бегали по штольням. И все-таки, наконец, я увидел, что они делают с отбросами.

В одной из штолен нам повезло, она непрерывно вела кверху. Мне показалось, что мы были уже у самой поверхности, но внезапно штольня вывела в куполообразное помещение — такого мы до сих пор не видели. И представьте себе, мне даже захотелось танцевать, когда я сквозь отверстие в куполе увидел дневной свет!

В помещении стояла машина, нечто вроде огромного колеса, которое медленно вращалось. Один из людей-«бочек» как раз собирался опрокинуть содержимое своей тачки под колеса. Колесо со скрежетом размалывало песок, камни, глину, обрывки растений в порошок, падавший куда-то вниз. Появлялись все новые «бочки», опрокидывали под колеса свои тачки — и ничего больше. Во всем этом я не видел ни малейшего смысла, что вообще характерно для этой сумасшедшей планеты. А затем я увидел такое, во что невозможно поверить.

Одна из «бочек», опрокинув свою тачку, сама бросилась невозмутимо под колесо. Я видел, как ее всю перемололо. Я был потрясен! А через мгновение за этим последовала и другая! И делали они это совершенно спокойно.

Твил не казался удивленным; я обратил его внимание на очередное самоубийство, и он ответил почти человеческим жестом, как бы желая сказать: «Ну, что я могу здесь поделывать». Вероятно, он кое-что знал об этих существах.

Затем я заметил какое-то свечение от предмета, находившегося за колесом, на низком постаменте. Я подошел ближе и увидел кристалл величиной с куриное яйцо. Представьте себе, он флюоресцировал, и это было необыкновенное зрелище. Сияние коснулось моих рук и моего лица как статический разряд. И тут я заметил одно удивительное явление. Вы помните, у меня на большом пальце левой руки была бородавка. Посмотрите теперь! — Жарвис вытянул руку. — Она высохла и отпала! А мой нос — боли мгновенно исчезли, как по волшебству. У кристалла, как видно, были свойства рентгеновских или гамма-лучей, только в более сильной степени: он разрушал больные ткани, не трогая здоровые!

Я подумал, каким бы это было прекрасным подарком, если бы я привез этот кристалл к нам на Землю. В эту минуту поднялся ужасный шум. Мы отбежали к другой стороне колеса и увидели, как размалывается медная тачка. Казалось, что кто-то по небрежности толкнул ее на верное уничтожение.

Мгновенно вокруг нас забегали с угрожающим шумом люди-«бочки». Масса их двинулась на нас. Мы отошли в штольню, по которой, как я думал, прошли в этот сводчатый зал, но люди-«бочки» сразу окружили нас; некоторые из них были с тачками. Проклятые каналы! Они хором кричали: «Мы дрррузья! Ай!» И это «ай» в данной ситуации звучало угрозой.

Твил вытащил свое стеклянное оружие, а я, чтобы легче двигаться, снял бидон с водой и тоже вытащил пистолет. Мы отступали по штольне, и около двадцати «бочек» следовало за нами по пятам. В то же время — и это казалось еще более странным — «бочки», везшие нагруженные тачки, проезжали мимо нас равнодушно.

Твил, должно быть, это заметил. Внезапно он вытащил из мешка свою зажигалку, похожую на пылающий уголь, и при-

коснулся к тачке с перегнившими растениями. Мгновенно весь груз запылал, но «бочка» продолжала толкать тачку, не меняя шага. Среди наших «дррузей» огонь вызвал беспокойство. Внезапно я заметил, что дымовое облако заколебалось — значит, недалеко был выход. Я схватил Твила, мы побежали, и действительно, в двадцати или в тридцати шагах открылся выход.

Но за нами гнались преследователи. Дневной свет был подарком неба, хотя я сразу заметил, что солнце уже было близко к закату — скверное время, ибо я мог перенести марсианскую ночь только в своем отопляемом спальном мешке.

Положение быстро ухудшалось. Они загнали нас в угол между двумя насыпями. Ни я, ни Твил не стреляли, не было смысла раздражать эти существа. Они отошли от нас на некоторое расстояние и начали повторять свои слова о дружбе и ахать. Одна из «бочек» подъехала с тачкой, все подошли к ней и начали вытаскивать связки длинных и острых медных стрел.

Какое-то время мы оборонялись. Некоторых мы пристрелили, а остальных могли еще держать на некотором отдалении, так что до нас долетали лишь немногие стрелы. Но вскоре разрезанный воздух задрожал от громовых возгласов: «Мы дррузья! Ай!», и целая армия людей-«бочек» выбежала из штолен.

Наш конец был близок, и я это знал. Твил мог спастись, перепрыгнув кучу глины позади нас. Но он остался!

Я плакал бы от умиления, если бы у меня было время. Твил нравился мне с самого начала, и я не уверен, смог ли бы я проявить такую благодарность, как он! Конечно, в его борьбе с химерой я спас ему жизнь, но он воздал мне сторицей. Я схватил его за руку, сказал: «Твил» — и показал вверх. Он понял и сказал: «Нет, нет, Дик!» — и продолжал стрелять из своего стеклянного револьвера.

Что мне оставалось делать? Я знал, что когда зайдет солнце и наступит ночной холод, то все равно умру, но этого я не смог ему объяснить. Я сказал: «Спасибо, Твил, ты настоящий мужчина!» — и при этом чувствовал, что говорил правду, а не какой-то там комплимент. Да, настоящий мужчина! Немногие вели бы себя так, как он.

Мой револьвер гремел, револьвер Твила трещал, «бочки» метали стрелы и были готовы взять нас приступом. И в эту минуту упал ангел с неба в лице Карла Патца и шумом своего мотора разогнал все это сборище!

Я закричал и кинулся к машине; Патц открыл дверь, и я прыгнул головой вперед, смеясь, плача и крича! Но я сразу вспомнил о Твиле и оглянулся. Я заметил, как он перепрыгнул через глиняную кучу, но через секунду его уже не было.

Мне было чертовски трудно убедить Патца последовать за ним. Пока мы готовились и пустили в ход мотор, стало совсем темно. Вы ведь знаете, как мгновенно здесь наступает ночь — как будто бы кто-то выключает свет. Мы полетели над пустыней и несколько раз спускались. Я кричал: «Твил». Кричал не менее ста раз. Мы не могли его найти. Он был быстр, как ветер. Я слышал, или мне казалось, что я слышу слабое щебетание и трели, шедшие как будто бы с юга. Он исчез, черт побери, а мне так хотелось, чтобы он был здесь!

Экипаж АРЕСа приумолк, молчал даже ехидный Гаррисон. Наконец заговорил Леруа.

— Я бы с удовольствием все это посмотрел, — пробормотал он.

— Ну да, — добавил Гаррисон. — И излечение бородавок. Как жаль, что ты упустил этот кристалл: он мог бы помочь излечению рака, о чем вот уже полтора столетия мечтает человечество.

— Ах, ты об этом камне, — меланхолично пробормотал Жарвис. — Из-за него-то и разыгралась битва. — Он вытащил из кармана блестящий кристалл. — Да вот он!

Перевел с английского Б. КАНДЕЛЬ

